

в эту обитель ставит на очередь вопрос: не является ли он Мардарием Хониковым, который составил вольный перевод с латинских стихов к рисункам Библии Пискатора, изданный в Москве в 1679 г. в 1912 силлабических виршах (двустихиях) 11-сложного стиха, чье имя скрыто в акростихе, составленном из начальных букв «Обращения к читателю»: «Монах Мардарий Хоников трудился».³⁴

Из материалов истории Новоиерусалимского монастыря известно, что иеродиакон Мардарий добровольно удалился вслед за патриархом Никонем в Феропонтов монастырь; затем, в 1679 г., он был возвращен. Письмо царя Федора Алексеевича патриарху Никону с извещением о царской милости везет он же.³⁵ К сожалению, о Мардарии Хоникове мы почти ничего не знаем.

Особенностью рукописных песенников как XVII, так и XVIII вв. является наличие в них только одних книжных песен, но не виршей; с другой стороны, в сборниках учащихся наряду с виршами и прозаическими отрывками в XVIII в. помещаются силлабические и позже силлабо-тонические стихотворения, но не книжные песни. Это приводит к мысли, что в сознании грамотных людей XVII—XVIII вв. книжная песня представлялась самостоятельным видом словесного искусства (близким к фольклору), резко отличающимся от виршей. Тем не менее книжная песня — это поздний этап в развитии песни, когда она не только распевается, будучи воспринимаема на слух, но и записывается (на чем основано применение акростиха). Поэтому не удивительно, что Герман сочинял в основном книжные песни, но одновременно и вирши (эпитафии на могиле Никона и своей). Поэтому и Дамаскин, сначала составлявший рукописный песенник и писавший, очевидно, духовные книжные песни, позже переходит к писанию вирш, правда иного жанра. Можно предполагать, что и Никанор, от которого до нас дошла летопись Новоиерусалимского монастыря, изложенная виршами, начинал как уставщик (регент) со сложения книжных песен, подобно Кариону Истомину.

Мы смогли обнаружить семь поэтов-песенников, прикосновенных к созданию книжных песен, из числа братии Новоиерусалимского монастыря. Есть все основания считать, что число таких поэтов-песенников было больше, но имен остальных мы не знаем. Да и для большей части духовных книжных песен (в том числе и высокохудожественных),³⁶ входящих в состав рукописных песенников, имена их авторов остаются неизвестными. Но уже наличие в составе братии Нового Иерусалима нескольких монахов, слагавших силлабические книжные песни и вирши, приводит к выводу о существовании в 1670—1680-х годах в этом монастыре школы песнотворчества, состоявшей из учеников и последователей патриарха Никона.

Поэты-песенники этой школы, равно как и Елифаный Славинецкий, слагали духовные гимнологические книжные песни, связанные с традицией древнерусских песнопений (а возможно, и древнерусской поэзии), но написанные силлабическими стихами, в противовес книжным песням, создававшимся под украинско-польским влиянием в стиле барокко. Отличительными чертами этой школы являются спокойствие, приглушенность чувства, некоторая отвлеченность, созерцательность, размеренное течение

³⁴ М. Соколов. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой библии Пискатора. — Археологические известия и заметки. М., 1895, № 9—10, стр. 7, 23.

³⁵ Архим. Леонид. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского ... монастыря, стр. 22, 44.

³⁶ Например, «Плачуся и ужасаю»: ГИМ 1743, № 186 (известная в 2 редакциях и 12 вариантах).